

Большие скандалы вокруг Большого театра стали тайной общественной шуткой, что люди, нелюбимые и нелегально замешанные, вло реагируют на противоречивые новости, изредка прославившиеся скандалом ступи главного театра страны.

Почти отсутствие живого любопытства — дело Большого можно. Посещение его спектаклей давным-давно недоступно для обычного человека, и потому сам Большой в сознании нас существует как некий фантом, окутанный тайной, и к обывательской жизни отношения не имеет — и потому сам Большой — это нечто давнее. Двадцать — двадцать пять лет назад заветный билет теоретически можно было приобрести в кассе. Правда, лишь после нескольких ночных бдений, отмечая в бесконечных списках, которые имели свойство куда-то таинственно исчезать, и заменять новыми с несколькими фамилиями. Словом, утомительная борьба за место в зрительном зале не всегда завершалась успехом и требовала в известной степени фантазии. Любви к Большому балету и большой опере.

Фанатики такие, конечно, существовали, но число их незаметно уменьшалось с каждым годом. Потому как наиболее преданные были вычислены и извлечены из очередей руководителей кланов, в просто преданных утомленные бесплодными попытками честного приобретения билета, сочи за лучшее ни не пользоваться услугами театральных спекулянтов — торцы, кстати, были людьми вполне симпатичными и не зарывались, назначая цену за свою услугу, ни вообще отказались от попыток переехать в Большой, похороны любви к нему в том потасованном уголке души, где прячутся трепетные воспоминания о первом посещении и первом свидании.

Соблазненные кланерами бывшие балет- и оперными стали ходить на спектакли как на работу. Сначала унывая своей приближенности к высокому искусству (еще бы — кто мог так небрежно извлекать в разгар спектакля, вечера Максимова была в "Дебидном" не так хороша, как с прошлой неделей). И не считая высокой ценой за это свое присутствие, гримасничая, заводя публику, заставляя рычать в нужной момент, баюкать и гулко повторять несколько раз восклицание "браво!" и выбирать на сцену, под ноги кумиров, заранее заготовленные букеты, каждый — в определенный для этой цели квадратный метр сцены.

Затем уныние проходило и кланеры потихоньку превращались в обычных поведении — в циничных и грубых. Не было большей неприязни, как попасть с ними в одну ложу! Все спектакли они прожигали на глубинной сжаке — во дворе, громко обговаривая собственные дела и проблемы и время от времени хамски осаживая недовольных их повеселением зрителей. Всклывали в огороженные зарея моменты развешивая несчастных соседей, вышвыривали цветы, открывали положенное и вновь возвращались на исходе пьесы. Партер, заполненный не рубящимися в ситуацию иностранцами и горделиво восседающими на лучших местах завсегдаками, забавлялся, продуктивными магазинами, благоосложно торил клане, отмечая для себя удивительную любовь советского народа к измученным соседям.

И потому вселенное об этом давно ушедшем в прошлое времени, что пребывало в уверенности: все истоки бед Большого скрыты в нас. Театр потухая нас восставшими спектаклями ушедших лет и даже столетий и

срывал беснущие аплодисменты. Успех казался настолько прочно прописанным на этой сцене, что неприличным казалось поставить его под сомнение. Искусствоведы со Старой площади заблуждали не допуская в страну неуоменических рецензий, в которых завожонские и другие, отнесенные от нас гострицами критики поименно начинали сомневаться в том, что Большой — вперед планетой всей. А клановый бар в лабиринте юмтируа непреодолимый успех.

Долгопались и допосказались до того, что Большую сцену один за другим стали

мистической силой обладает здание на Театральной площади. И всякому, преступающему его порог, неизбежно и властно диктует свои правила поведения. Со зрителями все ясно: подчиняясь этой магии, они до-прежнему, ная в Большой, стараются надеяться из своих платив, в сложном время остепеня и пардербе раздвиненные москвичскими мостовыми салоти и поднимаются на принесенные в протестных пакетиках десятилитровые шипши (какой еще театр может похвалиться тем же?). А после окончания спектакля бьют в ладоши до одурения — пом-

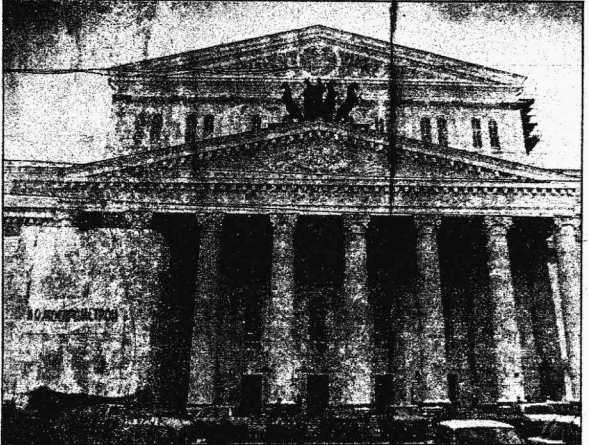
критикой. А двумя днями позже по театру поползли тревожные слухи. Из которых следовало, что труппа вроде бы не готовилась-затра будет уезжать, а сезон закончит те, кто подтвердит свое право называться артистом Большого, пройдя конкурсное сито.

О конкурсе в театре знали давно. Васильев по приходе на свою должность не скрыл, что считает конкурсный принцип единственно верным путем комплектования труппы как оперной, так и балетной. Но в начале сезона, когда формировался репертуар, об этом не было сказано ни слова. Театр начал работу над

той. Сейчас им не до творчества. О каком настроении репетиции может идти речь, если никто — от солистов до миманса — не знает, останет-ся ли он в Большом или нет?

Владимир Васильев призвал их не выносить свои суждения и споры о происшедшем на суд общественности, считая, что он "не всегда бывает объективным, и поэтому зачастую наше взаимное непонимание вредит имению Большого театра и, в конце концов, великому искусству, которому мы все служим". Воспринял эти предупреждения как угрозу, артисты отказываются говорить с журналистами о происшедшем.

Большой перед смертью потел

И потому мандражируют в одиночку или в своей, закрытой от посторонних компании. Таких ли перемены в калани в Большом? Может, его нынешнему толстому зрителью, который запросто может выложить 500 долларов за билет, как это было на юбилейном вечере Плиссеской, и совершенно все равно, что же творится в театре. Но мы все, его бывшие поклонники, наблюдаем за его беспорядочной агонией уже сил не имеем. Может, пришла пора действительно закрыть Большой на коренную реконструкцию и вычистить из его стен мистические надобные наслоения? И, освободившись от всего лишнего, перейти на контрактный принцип работы, устраивая конкурс не по набору в труппу, а для каждого спектакля, как и делалось это во всем мире? До той же поры по живому, да еще и тайные от всех, ничего не перекрывают. Вель коренных перемены в лучшую сторону не наблюдаются, а предельно ушедшего купюра оказались более живучими в этих стенах, чем предполагалось. Большой болен, это надо осознать совершенно четко. И применение уже дискредитированных старых лекарств может привести его к гибели. Неужели все случится уже в нынешнем сезоне?

Ирина ЛЮБАЧЕВА,
журналист
ОСТРОВСКОЙ

покидал большие таланты — а основанное не по своей воле. А зрительный зал — истинные поклонники. До них ли было, когда театр жил такой насыщенной внутренней жизнью — кто-то интриговал, дабы быть исключенным в план зрительских гастролей, кто-то заводил бурный скандалный роман, результатом которого становилась непонятно почему (для непосвященных, конечно) огульная партия в той или иной постановке, кто-то, наоборот, старался нигде не высываться, как можно меньше обращаться на себя внимание, чтобы в репертуарном плане удержался единственный из оставшихся спектаклей, где у бедолаги роль. Артисты без сцен: жизнь не в жизни.

Единые эти страсти время от времени не удерживались внутри театра и выскливались наружу. После очередного ухода много лет прозябавшей не у дел эскады. После смерти некоего балетиста, а потом ставшего никому не нужным таланта. Все чаще молва вину за происходящее приписывала злому гению Большого — его главному балетмейстеру. Как-то упуская из виду, что обстановку в балетной и оперной труппах мало чем отличалось. Все менялось — правители, жизненный уклад. Даже страны, символом культуры которой была Большая, уже не существует. А сам театр оставался и остается неизменным.

Вы скажете, что со сменой руководства, приведшего к дирижерский пульт Ростроповича, изменился перемены? Подделка с читателями своими опасностями — есть у меня основания предполагать, что

пезный, красного бархат зал без этого дворян не распахнет.

Но зритель, он что — все-то на три-четыре часа под чары Большого попадает. Пришел домой, еще где-то другой повспомнил, как непонятная волна восторга на него накатила, и — все в прошлое улетело, работающая в Большом, — ни не плавидуюсь. С одной стороны, престох, слава, ну и все так прочее. С другой — что-то непонятное происходит с человеком, попадающим под власть этих стен. За их пределами иной почти диссонанс по отношению к алма пает выступает — с гнетными словами всякими о тек, кто Большой до ручки довел. Откровенно так делится соображениями, как и что надо изменить, чтобы вернуть былую славу, вдохнуть новую жизнь. Заслушавшись, да и только. А уж не поверить просто невозможно. Поверили мы, бывшие преданные зрители и почитатели. Поверил президент — своей задачей решительно прервал прозябание Большого и оаврил его новым доверием, определяющим статус бывшего императорского и традиционно придворного театра. А также новым художественным руководителем — всемерно признанным и любимым Владимиром Васильевым.

После растратированных пресей завершений, что все в Большом будет по-другому, и откровенно сорванного 10 марта спектакля — в нику обещанным переменам — страсти потихоньку угасли. И новый сезон начался на ноте спокойной и почти радостной. 9 ноября состоялся премьер "Хованщины", с восторгом встреченная залом и

спектаклями, все сочли, что сезон пройдет в нормальной рабочей обстановке. И ктп по одному стали вылезать в дирекцию, артисты настоялись. Неожиданное предложение написать заявление об участии в конкурсе, который намечен на ноябрь, вызвало шок. Те, кто покрепче и помоложе, просто задрожали. Елена Образцова упала в обморок — пришлось вызвать врача. А остальные отпугивались сердечными средствами на своих рабочих местах.

Художественный руководитель не нашел ничего лучшего, как обратиться к своим товарищам по искусству через мимотрипачку. В своем воззвании он повелел: "Руководство театра хотело бы, чтобы в период работы конкурсной комиссии и формирования труппы на новой контрактной основе, а также и в дальнейшем отношении между труппой и руководством строились на взаимопонимании и уважении друг к другу, чтобы стороны прилагали взаимные усилия для решения спорных вопросов путем разумных компромиссов". Артисты акнули — и это издается разумным компромиссом?

И не хочу предполагать, что новое руководство театра специально подкнуло труппу повод для новых терзаний и сколов. Но мне трудно понять — отчет же все так не по-людскому было обставлено? Неужели опытный мистический обренок стены Большого так действуют и по-другому злесь с артистами уже некто разговаривать не будут? Ведь они (а не только администраторы) тоже свои административные, в уверенности пребывали, что наконец-то будут заняты рабо-